

СЕРГЕЙ ЛЬВОВИЧ УТЧЕНКО

(1908–1976)

С.Л. Утченко

ФАКТ И МИФ В ИСТОРИИ*

Вопрос о закономерности в истории, несомненно, стоит в тесной и непосредственной связи с оценкой роли отдельного исторического явления, факта, феномена. Насколько это историческое явление стабильно и уловимо? Повторяется ли оно, или это всегда нечто единичное и спонтанное? Какова гносеологическая природа исторического факта? Общий вывод о наличии или отсутствии законов человеческой истории не может быть дан без ответа на эти более частные вопросы.

Они, конечно, далеко не новы. Один из крупнейших современных немецких историков И. Фохт (ФРГ) в своей работе «Закон и свобода действия в истории» говорит о том, что в свое время все эти вопросы разрабатывались «классической» немецкой историографией, которую он же – и, видимо, со знанием дела – именует «детисцем немецкой идеалистической философии»¹.

Основные положения, высказанные в трудах представителей этого направления (как в историографии, так и философии), могут быть подытожены примерно следующим образом. Человеческие действия – самопроизвольны (спонтанны), случай – непостижим. Задача историка состоит в том, чтобы «ухватить» своеобразие и особенности исторического феномена и показать их, по возможности, убедительно². Историк всегда имеет дело лишь с единичным, неповторимым. Вывод: метод исторической науки – индивидуализирующий, тогда как метод наук естественных – генерализирующий.

Нет ничего удивительного в том, что историческая наука сторонниками этого направления рассматривалась как наука описательная. Не случайно один из наиболее известных представителей «классической» немецкой историографии Леопольд Ранке сводил задачу историка к тому, чтобы рассказать «как это, собственно, все было» (*wie es eigentlich gewesen war*). Пожалуй, еще более решительно противопоставляли историю как науку описательную наукам естественным, т.е. «точным», Огюст Конт и его последователи. Позитивисты выступали против существующего, по их мнению, в философии и истории деления на понятие человека как «естественного существа» и человека как «духовного существа» и требовали «поднятия» истории до уровня естественных наук. Поэтому они выдвинули в качестве антипода истории новую «точную» науку – социологию.

Неокантианцы (Виндельбанд, Рикерт и др.) шли тоже в этом русле. Они признавали возможность выведения общих законов для фактов из опыта (естественные

* ВДИ предлагает вниманию читателей хранившийся в архиве С.Л. Утченко и ранее не публиковавшийся в нашем журнале доклад, с которым он выступал на одном из заседаний сектора истории древнего мира Института истории АН СССР в конце 60-х годов. Основные мысли и отдельные фрагменты этой работы присутствуют в некоторых его статьях и книгах, в частности в научно-популярной монографии «Глазами историка» (М., 1966).

¹ *Vogt J. Gesetz und Handlungsfreiheit in der Geschichte*. Stuttgart, 1955. S. 9 f.

² *Ibid.*

науки), а для наук общественных (гуманитарных) снова ставили задачу «ухватить» и оценить в их неповторимости единичные явления (*die einmalige Gebilde*) человеческой жизни и истории. «Одни из них суть науки о законах, другие – науки о событиях», – писал Виндельбанд. Что касается Риккерта, то он, как известно, прямо заявлял, что понятие исторического закона есть не что иное, как *contradictio in adjecto*. В соответствии с этими взглядами неокантианцы методы естественных наук именовали номотетическим (т.е. устанавливающим законы), а метод наук гуманитарных идиографическим (т.е. описательным) или даже «портретным».

Однако же это, казалось бы, соблазнительное по своей четкости и доступности, но сугубо формалистическое членение наук не смогло, конечно, долго удержаться. Как остроумно замечает И. Фохт, членение это казалось похожим на папский приговор 1493 г. По решению папы Александра IV Борджиа через Атлантический океан был проведен условный меридиан, на запад от которого все «возможные» (в смысле их открытия) земли должны были принадлежать испанцам, а на восток – португальцам. Но вскоре выяснилось такое неожиданное обстоятельство: если плыть как можно дальше на запад, то... попадешь на восток! Приведа этот пример, Фохт пишет: «Новое осмысление предмета истории также привело к выводу, что спонтанная деятельность, как бы она ни была важна для человеческой жизни и истории, тем не менее осмысливается лишь в общих связях и таким образом персональный момент предстает перед нами включенным в персональный процесс». В заключение он присоединяется к словам одного историка, который утверждал: «В исторической жизни столь же мало событий чисто генерализующего значения, как и чисто индивидуализирующего»³.

Конечно, далеко не все буржуазные историки или философы стояли и стоят на почве решительного отрицания исторических законов и считают, таким образом, историю лишь «описательной» наукой. Делались – и неоднократно – попытки нащупать некоторые закономерности, даже создать некую закономерную схему исторического развития. Правда, все эти попытки зиждились, как правило, на явно идеалистической основе.

Еще Вундт хотел объяснить «духовные достижения» (*die geistigen Leistungen*) народов исходя не из особенностей сознания индивида и не из его устремлений – поскольку люди всегда стремятся к личным целям, а у разных людей эти цели различны, – но из анализа «народной психологии», «души» народа. Под его влиянием Лампрехт пытался перенести эти воззрения, в частности, на историю Германии. Странник «культурно-исторического метода», он понимал культуру как некий феномен социально-психологического развития, носителем которого оказывается нация. В истории он наблюдал смену культурно-исторических эпох (анимизм, символизм и т.п.), причем каждая из этих эпох определялась для него общностью социально-исторических факторов.

Один из наиболее известных учеников Риккерта – Макс Вебер – хоть и не признавал для истории законов такого типа, как «законы природы» (*Naturgesetze*), но все же считал возможным говорить о неких правилах (*Regeln*), которые могут помочь выделить (*freilegen*) то или иное событие в сплетении его причин и следствий. Для Альфреда Вебера, зачинателя «исторической и культурной социологии», существовали три сферы или три аспекта исторического процесса: 1) общественный процесс («естественные силы» народов), 2) процесс цивилизации (наука, техника) и 3) культурное движение (идеи, религия, искусство). Таким образом, в историко-социологической концепции А. Вебера уже возникало понятие структуры исторического процесса. Одним из важнейших «структурообразующих элементов» этого процесса следует считать культуру. Культура же, с точки зрения А. Вебера, как отмечает Фохт, может иметь самостоятельное, «автономное развитие»⁴.

Все это не так уже далеко от теории «культурно-исторических типов» Н.Я. Дани-

³ Ibid. S. 11 f.

⁴ Ibid. S. 17–21.

левского, а затем и Шпенглерова понимания всемирной истории как картины выходящих над и рядом друг с другом великих цивилизаций. А отсюда, как известно, легко перекидывается мост к наиболее широкой и вместе с тем наиболее детально разработанной концепции исторической науки на Западе – к концепции Тойнби.

Тойнби, несомненно, признает закономерности исторического процесса. Стремление использовать сравнительный метод изучения, непреложность стадий внутреннего развития каждой цивилизации, схема вызова – ответа (*challenge-response*) – подобные выводы общей концепции историка свидетельствуют о его убежденности в том, что история может дать какие-то положительные и доказательные знания. Кроме того, Тойнби признает свободу действия за человеком; он считает, например, что силы, определяющие зарождение, рост и гибель цивилизации, отнюдь «не детерминированы имманентными законами развития», но, в значительной мере, зависят от самой человеческой деятельности.

Своеобразной попыткой создания «закономерной схемы» можно считать и концепцию «осевого времени» (*die Achsenzeit*) одного из наиболее крупных представителей немецкого экзистенциализма – Карла Ясперса. Однако его позиция в этих вопросах – непоследовательна и может служить наглядным примером современных тенденций к возврату «на пути своя», то есть к старым и «испытанным» положениям классической немецкой историографии.

С одной стороны, в своей известной работе «О происхождении и цели истории» Ясперс пишет: «Хотя мы и теперь любим читать повествования, обогащающие нас новыми образами, но существенным для нашего познания может быть лишь созерцание, связанное с анализом, который именуется ныне социологией». Ясперс ставит также вопрос о том, что представляет собой и какое значение имеет для нас «универсально-историческое воззрение». По его мнению, мы стремимся понять историю как нечто целое, чтобы понять самих себя. История для нас – воспоминание, о котором мы не только нечто знаем, но из которого мы живем. Это та основа, с которой мы должны быть связаны, если не хотим раствориться в ничто (*in nichts zerrinnen*), если стремимся сохранить свое участие в человеческом бытии⁵.

Одним из таких проявлений «универсально-исторической» точки зрения является периодизация всемирной истории, предлагаемая Ясперсом. Он намечает четыре крупных этапа в развитии человечества, причем «осевое время» – когда возник человек, с которым мы имеем дело сегодня, – относится к третьему этапу, а последний, четвертый этап (то есть современность, «научно-технический век»), возможно, окажется преддверьем к новому, пусть еще далекому, осевому времени (*die zweite Achsenzeit*)⁶.

Таков положительный и даже «оптимистический» аспект воззрений Ясперса. Но, с другой стороны, провозглашенное им стремление постигнуть историю как целое оказывается стремлением недостижимым. Рассматривая этот вопрос, Ясперс удивительным образом возвращается к позициям, нам уже хорошо известным. «Если мы попытаемся охватить историю, – пишет он, – в ее общих законах (причинных связях и зависимостях, закономерностях форм, диалектических необходимостях), то в этом всеобщем мы никогда не имеем дела с историей как таковой. Ибо история в ее индивидуальном есть нечто всегда и только единичное»⁷.

И наконец, современные позитивисты (или «неопозитивисты»), в частности Т. Довринг, утверждают, что история есть «история уникального», а потому «не имеет никакой практической или дидактической ценности», она не «позволяет предвидеть», а исторические явления «неповторимы и ничему не учат»⁸. Таким образом, круг как бы замыкается. Неопозитивисты возвращаются к «общим истокам», пожалуй, еще решительнее и «последовательнее», чем представители современного экзистенциализма.

⁵ *Jaspers K. Vom Ursprung und Ziel der Geschichte. Frankfurt am Main – Hamburg, 1956. S. 222.*

⁶ *Ibid. S. 14, 34 f.*

⁷ *Ibid. S. 231.*

⁸ *Dovring T. History as a Social Science. Hague, 1960. P. 89.*

Какова же должна быть по этим вопросам позиция историка-марксиста? Обычно и, как правило, марксистски мыслящие историки, вступая в полемику со сторонниками «индивидуализирующего» метода, противопоставляют этой точке зрения такие доводы, как повторяемость явлений в истории, как принцип отбора фактов, подтверждающих действие той или иной закономерности, и т.п. Все это безусловно правильно, но поскольку любая форма агностицизма в истории всегда восходит генетически к утверждению о единичности, неповторимости, а следовательно, и «неуловимости» (что, конечно, равносильно непознаваемости) исторического факта, то все вышеприведенные доводы остаются, на мой взгляд, лишенными достаточной убедительности, пока не будет с достаточной убедительностью выяснено, определено и установлено самое понятие – *исторический факт*.

* * *

Итак, что есть исторический факт? Прежде всего, мне представляется совершенно необходимым определить различие между такими понятиями, как «факт» («просто факт!») и «исторический факт». Как ни странно, подобное различие чаще всего вообще не устанавливалось, а если и устанавливалось, то недостаточно четко и последовательно.

Начнем с определения понятия «факт». Однако дать подобное определение не так просто. Бертран Рассел говорит, что факт в его понимании этого термина может быть определен лишь наглядно. «Все, что имеется во вселенной, я называю "фактом". Солнце – факт, переход Цезаря через Рубикон был фактом; если у меня болит зуб, то моя зубная боль есть факт»⁹. С этим определением, на мой взгляд, можно согласиться, тем более что Рассел подчеркивает: большинство фактов не зависит от нашего воления, а факты физические «в большей своей части не зависят не только от нашего воления, но и от нашего опыта»¹⁰.

Само собой разумеется, что если исходить из подобного определения, то следует признать полную «равнозначность» всех фактов в природе (или во «вселенной», по терминологии Рассела). Этот вывод тоже представляется достаточно убедительным. Конечно, в данном случае вопроса о непознаваемости явлений (т.е. вопроса об адекватности отражения) мы вовсе не касаемся, да и не должны касаться – предполагается, что для историка-марксиста он ясен.

Но если «во вселенной» все факты равнозначны, то как и где возникает – если оно вообще возникает – различие между фактом («просто фактом») и фактом историческим? На этот вопрос, очевидно, возможен лишь один (и однозначный!) ответ: это различие возникает в нашем сознании. Деление фактов на «исторические» и «неисторические» (или любое иное деление!) есть уже некое осмысление факта, его «оценка» нашим сознанием.

Возможно, что все вышесказанное на первый взгляд с точки зрения человека, обладающего так называемым «здравым смыслом», не покажется бесспорным и приемлемым. И действительно, если взять примеры, приводимые Расселом, и поставить вопрос о том, какие из них *сами по себе* могут быть признаны примерами «исторических фактов», а какие – не могут, то пресловутый «здравый смысл» подскажет, вероятно, следующий вывод: переход Цезаря через Рубикон – исторический факт; факт же моей зубной боли – отнюдь не исторический. Этот вывод, надо полагать, будет сделан легко, без затруднений.

Затруднения возникнут лишь тогда, когда будет спрошено, на основании какого критерия высказывается подобное суждение. Едва ли в этом случае можно рассчитывать на удовлетворительное объяснение. Скорее всего будет сказано нечто об общественной значимости того или иного факта.

⁹ Рассел Б. Человеческое познание. М., 1959. С. 177.

¹⁰ Там же.

Но в подобном ответе – продиктованном как будто тоже «здравым смыслом» – совсем не трудно вскрыть, по крайней мере, две элементарные, но тем не менее существенные ошибки. Одна из них – логическая, другая – скорее психологическая. Начнем со второй.

Когда мы утверждаем, что переход Цезаря через Рубикон – исторический факт, то мы, на самом деле, имеем в виду не только этот данный случай (который, конечно, сам по себе, как единичное явление, никакой роли не играет!), но всегда некую сумму или комплекс фактов, ибо мы неизбежно (и произвольно!) вспоминаем, примысливаем то, что этому случаю предшествовало, а главным образом то, что из него воспоследовало. Таким образом, переход через Рубикон для нас всегда не отдельный случай, не просто факт, но комплекс фактов, а может быть, точнее – равнодействующая связанных между собой событий.

Еще нагляднее в этом можно убедиться, взяв более «масштабный» пример. Мы говорим: французская революция 1789 г. – исторический факт. Говорим обычно без всяких колебаний. Но разве французская революция – единичный факт? Конечно, это сложный комплекс, конгломерат фактов, и, высказывая наше «общепринятое» утверждение, мы, на деле, опять-таки имеем в виду не конкретное изолированное событие, но выводимое нами, нашим сознанием некую равнодействующую целого ряда фактов. Это, кстати сказать, предельно ясно сформулировал в свое время Фридрих Энгельс: «... имеется бесконечное количество перекрещивающихся сил, бесконечная группа параллелограммов сил, и из этого перекрещивания выходит один общий результат – историческое событие»¹¹. Вторая ошибка – логическая – еще более элементарна. Она состоит в том, что если мы пытаемся определить исторический факт как событие, имеющее общественное (= историческое) значение, то мы или занимаемся наивной тавтологией, или совершаем тот, не совсем благовидный, поступок, который в старой логике именовался *hereditio principii*. Кроме того, не следует забывать, что любое значение любого факта всегда будет чем-то выводным, вторичным по отношению к внутренней природе самого факта.

* * *

Из сказанного начинается как будто проясняться вопрос о механизме оценки или классификации фактов нашим сознанием. Очевидно, все зависит, так сказать, от «подхода» к факту, точнее, его интерпретации. Здесь, наконец, мы сталкиваемся с основным и решающим понятием всего нашего анализа.

Я утверждаю, что исторический факт есть всегда факт интерпретированный. Как следует понимать это утверждение? Что такое интерпретация факта? Интерпретация факта, с нашей точки зрения, включает в себя, по крайней мере, три момента. Первый момент состоит в создании *условий интерпретации*, т.е. таких условий, которые обеспечивают самую возможность интерпретации. Под этим подразумевается, что факт должен быть, прежде всего, зафиксирован и сохранен¹². Незафиксированный факт аннигилируется и для истории не сохраняется. Возможны самые различные способы фиксации факта, но все они, видимо, обязаны удовлетворять одному бесспорному требованию: информация о факте кодируется в такой системе знаков, которая доступна расшифровке (т.е. содержит доступные для интерпретации выражения). Указанное условие есть условие необходимое, но не достаточное – зафиксированный (и сохраненный) факт может в лучшем случае считаться историческим фактом лишь «в потенции».

Второй момент состоит в определении или выборе уровня интерпретации. Под

¹¹ Маркс К., Энгельс Ф. Избранные произведения в двух томах. Т. II. С. 469.

¹² Небезосновательное, на первый взгляд, возражение: может ли вообще иметь место незафиксированный факт (или, иными словами: что не «зафиксировано», того как бы и не было!) – легко отводится, если признавать, разумеется, объективно существующую реальность.

этим уровнем мы имеем в виду «критерий осмысленности выражения» для каждой данной знаковой системы¹³. Критерий «осмысленности выражения» в применении к историческому материалу есть критерий отбора фактов. Само собой разумеется, что отбор должен производиться таким образом, чтобы основанная на нем интерпретация представлялась «осмысленной», «правильной».

«Система может быть представлена во многих разных вариантах, в зависимости от того, какой именно критерий осмысленности выбран»¹⁴. Так и для историка заданный уровень интерпретации определяет весь ее дальнейший ход, развитие. Бесспорно, что интерпретация, скажем, на уровне марксистского понимания законов исторического развития предполагает отбор фактов определенного порядка и значения, интерпретация же на уровне учения «герой – толпа» предполагает отбор и интерпретацию уже иных фактов и т.п. и т.д. Конечно, какие-то факты или даже группы фактов могут (и неизбежно будут) совпадать при самых различных критериях отбора, однако, как только что было отмечено выше, дело заключается не только в отборе фактов, но и в их осмыслении¹⁵.

И, наконец, третий момент состоит в интерпретации как таковой или *введении факта в контекст*. Я убежден, что факт становится «историческим» лишь при условии рассмотрения его в некоем развитии, то есть в сопоставлении, зависимостях, связях с другими фактами – прошлыми и будущими, реальными и гипотетическими – или, иными словами, в контексте. Вне контекста нет ни исторического факта, ни самой истории. И наоборот, чем шире и богаче контекст, чем с большим количеством фактов связывается, сопоставляется интересующий нас факт, тем «историчнее» он выглядит. И только в этом случае (то есть в контексте) факт приобретает свои вторичные или выводные (функциональные) особенности: общественное (= «историческое») значение, результат, «итог». Следовательно, исторический факт есть не вообще интерпретированный факт, но факт, всегда интерпретированный особым образом: а именно так, что он не может оказаться единичным, изолированным, не связанным с другими фактами. Его нельзя сравнивать с амплитудой волны, но лишь – с волной в целом.

С излагаемой точки зрения такие приводившиеся выше примеры, как: моя зубная боль, переход Цезаря через Рубикон и даже французская революция – не могут, строго говоря, быть примерами исторических фактов или информацией о таковых. Если о переходе через Рубикон или о Французской революции мы узнаем не более того, что включено в данную информацию, где начисто элиминирована связь этих событий с другими, так или иначе им «сопутствующими», то подобная информация не содержит ни грана историзма и сами события не выглядят еще «историческими фактами». С другой стороны, если допустить, что факт моей зубной боли будет сопоставлен с рядом других фактов, к примеру, с использованием бормашины или еще более новым средством лечения, скажем, при помощи ультразвука и т.п., то случай с моей зубной болью вполне может стать фактом истории медицины, техники или даже фактом истории цивилизации. Итак, все зависит от способа (и уровня) интерпретации!

* * *

Любая интерпретация – и это совершенно очевидно – есть не что иное, как акт деятельности нашего сознания. В таком случае отличие «факта исторического» от «просто факта» состоит, быть может, в том, что первый оказывается результатом только что поименованного акта, то есть порождением нашего сознания?

¹³ Ламглебен М.М. К описанию систем нотной записи // Труды по знаковым системам. II. Уч. зап. ТГУ. Вып. 181. Тарту, 1965. С. 258.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Существует ли «свобода выбора», когда встает вопрос об уровне интерпретации? Формально – полная, фактически же выбор всегда обусловлен исторически и социально. Но это – особая тема.

Никоим образом! Исторический факт, прежде всего, как «факт действительности» (то есть как нечто существующее в природе, «во вселенной», независимо от нашего «воления» и «опыта») – отнюдь не порождение сознания, но, вместе с тем, и *не только* отражение объективной реальности. Его структура более сложна. Сознание наше, как мы считаем, отражает с большей или меньшей степенью приближения любой факт, но сопоставление этого факта с какими-то другими, введение его в контекст, т.е. именно то, что и делает данный факт «историческим» – все это требует особой, дополнительной и, мы бы сказали, конструктивной работы сознания.

Но если так, то, вероятно, более удовлетворительным может оказаться определение исторического факта как конструкции нашего сознания? Причем само собой разумеется, такой конструкции, которая основана на реальной действительности. Несмотря на соблазнительность подобной точки зрения, опыт показывает, что последовательное ее развитие приводит не столько к возможности подчеркнуть и показать на примере исторического факта связь между объективной действительностью и нашим сознанием, сколько к неизбежному отталкиванию от самой действительности. Данное определение – неприемлемо; к тому же оно не отражает всей сложности структуры исторического факта.

Из всего вышесказанного вытекает представление об историческом факте как об определенной *системе*. Под системой мы понимаем в данном случае генетико-структурное единство¹⁶. Такой подход определяет как возможность нашего отношения, так и нашего "описания" исторического факта. Нельзя, и было бы в корне неправильно, представлять его себе только как «факт действительности» или, наоборот, только как «факт сознания». Скорее всего здесь должен вступить в действие – конечно, своеобразно понимаемый – «принцип дополненности», согласно которому явление описывается через совокупность понятий, противостоящих друг другу по своей природе или – что одно и то же – требуется обращение к «двойственному, взаимно дополнительному характеру приборов, предназначенных для измерения "сопряженных" пар величин», даже и в том случае, когда речь идет не только о таких сопряженных парах, как «энергия–время» или «импульс–координата», но «факты жизни» и «факты мышления»¹⁷.

Исторический факт пребывает, таким образом, всегда и одновременно в двух соприкасающихся сферах: подобно некоему дереву, он уходит своими корнями в земную почву объективной реальности, а своей кроной возносится в воздушные сферы сознания.

В этом образе и заключено наше понимание исторического факта как генетико-структурного единства – единства объективной действительности (генетически!) и организующей работы сознания (структурно!). В данном случае – это, несомненно, «сопряженная пара величин».

Вот почему исторический факт – не только (и не просто) опосредованное нашим сознанием отражение объективной действительности (это будет применимо по отношению к любому «единичному» факту, факту вообще!), но и некая ее организация. Исторический факт всегда есть факт организованный, факт, определенным образом упорядоченный, а потому он и не может быть изолированным, единичным, воспринимаемым вне контекста.

Но если это так, то отсюда следует, по крайней мере, один существенный вывод. Вывод о соотношении понятий «исторический факт» и «историческая закономерность».

¹⁶ См.: Гулыга А.В. Понятие и образ в исторической науке // ВИ. 1965. № 9. С. 95: «В конкретном историческом понятии раскрывается единство общего и единичного не только в отношении явлений сосуществующих, но, в первую очередь, в отношении явлений, сменяющих друг друга. Анализ *структурных связей* сочетается здесь с анализом *связей генетических* (подчеркнуто нами. – С.У.), которые для историка представляют первостепенный интерес».

¹⁷ Борн М. Физика в жизни моего поколения. М., 1963. С. 234; ср. с. 99.

Исторический факт в нашем понимании, т.е. как единство реальной действительности и конструктивной работы сознания, оказывается тем объектом (кстати, он действительно не только *факт*, но и *объект*, поскольку его становление всегда предполагает и наличие субъекта!), которым следует оперировать, когда речь заходит о выявлении тех или иных закономерностей. Есть основание утверждать, что именно такое и даже *только* такое толкование природы исторического факта дает возможность ввести – сопоставимо ввести – понятие детерминированных связей, т.е. понятие закономерности в историю. Ибо факт вне контекста (факт «неупорядоченный», проходной) законом вообще не улавливается и не регистрируется (для закона, вернее, для его выведения необходим момент повторяемости или, по крайней мере, момент сопоставления, что в принципе – одно и то же!). И наоборот, исторический факт в той его трактовке, которая была дана нами выше – и только он – вполне поддается «описанию» в понятиях и категориях языка, примененного в мире детерминированных связей или, говоря иными словами, на уровне исторических закономерностей.

Все вышесказанное подводит нас к необходимости перейти от понятия «исторический факт» к понятию «история». Кстати говоря, это последнее довольно часто употребляется в двух отличных друг от друга значениях. Под историей – в более широком значении слова – подразумевают обычно все прошлое (сохраненное) человеческого общества (или отдельных обществ), всю сумму исторических фактов, имевших место в развитии этого общества. В более узком и специальном смысле под историей понимают лишь некое изучение общества – его существования, его развития, – то есть речь уже идет об истории как науке, научной дисциплине.

Оба эти значения интересующего нас понятия имеют, конечно, полное право на признание. Но зато едва ли можно признать правомочным другое и, пожалуй, не менее распространенное словоупотребление, согласно которому отождествляются такие понятия, как «история общества» и «жизнь общества». Они не только не равнозначны, но, наоборот, в том случае, когда речь идет об этих двух величинах, следует, на наш взгляд, проводить столь же четкое разграничение, как при анализе понятий: исторический факт и «просто» факт.

Итак, что есть история общества (имеется в виду, конечно, более широкое значение слова)? Это мир детерминированных связей и закономерностей. Если угодно, – это мир равнодействующих линий, «общих результатов» (см. Энгельс!), мир, всегда уже (и в какой-то степени) «упорядоченный» работой нашего сознания. В каком же соотношении находится этот мир с реальной жизнью общества? Ответ на этот вопрос, очевидно, обусловлен для нас следующими двумя моментами: а) нашей трактовкой понятия «исторический факт» и б) приведенным выше определением истории как некоей суммы исторических фактов (точнее – исчерпывающей суммы сохранившихся фактов).

Что же есть в таком случае жизнь общества? Это – тьма тем житейских, повседневных (а потому и «неуловимых») фактов, это – мириады воле («свободных» воле!), спонтанных действий, намерений, случайностей. В жизни общества господствуют уже статистические (вероятностные) закономерности и потому эта жизнь – во всех ее деталях и подробностях, во всех ее нюансах и своеобразии – не покрывается (да этого и не должно быть!) понятием «история общества».

Что же, значит, история беднее жизни? Так оно и есть, хотя это никоим образом не принижает истории. Ибо она «беднее» жизни, как, скажем, упорядоченность «беднее» хаоса, разум – ощущений, знание – интуиции. Но для нас – если только мы хотим сохранить себя, свое участие в общечеловеческом бытии – именно история оказывается единственной возможностью и единственной реальностью. Причем реальностью высшего (обобщенного) порядка!

В заключение попытаемся выяснить далеко не безразличный для историка вопрос – вопрос о соотношении таких понятий, как «факт» и «миф»¹⁸. Какова роль мифа в истории? Противопологаем ли он историческому факту?

Для ответа на эти вопросы нам совершенно не обязательно касаться всего сложного и многообразного комплекса проблем, связанных с анализом мифа (и мифотворчества) как историко-культурного явления. Это – предмет специального исследования. В данном же случае – и этого будет вполне достаточно для наших целей – мы должны попытаться уяснить себе всего лишь один из возможных аспектов интересующего нас понятия: приравнивание мифа вымыслу («миф = вымысел»). Подобное приравнивание, как известно, не только бытует, но и достаточно широко распространено в обычных, «эмпирических представлениях» о мифе, которые, таким образом, противопоставляют его факту (как не вымыслу).

В чем принципиальное значение подобного противопоставления, подобной «оппозиции»? На чем она основана?

Она основана на том, что факт всегда есть *нечто* (в реальной действительности), а вымысел – *ничто*. Но разве миф – тоже *ничто*¹⁹?

Некоторые известные нам современные попытки уяснить этот аспект понятия «миф» выглядят, примерно, следующим образом. Миф – во всяком случае, первоначально – осознается как результат отталкивания от «здорового смысла», от действительности («это не факт, а миф»). Подобное представление основывается на указанной выше оппозиции. «Негативный аспект эмпирического представления о мифе основывается на осознаваемом или неосознаваемом расчленении картины мира, на *нечто заведомо* имеющее место в действительности и то, что *заведомо не может* иметь в ней места, иначе говоря – *ничто*»²⁰.

Однако последующее рассмотрение уже приводит к выводу, что эмпирическое представление о мифе имеет и позитивный аспект, что миф выступает как *нечто* и что «это нечто есть явление гораздо более сложное, чем простое отталкивание от факта, что оно есть нечто, содержащееся в психической действительности нашего рассматривания»²¹. Эти мысли и выводы, имеющие, на наш взгляд, достаточное основание, требуют, однако, некоторого развития и уточнения.

Будем, прежде всего, исходить из факта дискретности нашего сознания. В силу этого обстоятельства мы, очевидно, неспособны адекватно и в полной мере воспринимать неограниченность (строго говоря, синхронность) и непрерывность явлений. Именно эта коренная особенность нашего сознания (и восприятия) объясняет невозможность избежать двойственности, дихотомичности любого «описания». Мы всегда имеем дело с той или иной оппозицией. «Дихотомичность с ее "да–нет", как центральной оппозицией языка описания действительности, остается основным фактором, регулирующим наше отношение к ней (поскольку, разумеется, оно может быть описано). "Истинно–ложно" ("правильно–неправильно") науки, "справедливо–несправедливо" этики, "целесообразно–нецелесообразно" стратегии поведения лежат в основе любой качественной оценки любого факта»²².

И наконец, дихотомичность восприятия обуславливает альтернативность нашего «подхода». Это – необходимый и вместе с тем стимулирующий момент: он создает

¹⁸ Кстати, это отнюдь не сопряженная пара величин, как то должен показать весь нижеследующий анализ.

¹⁹ Или, если воспользоваться языком двоичной системы, факт = 1, вымысел же = 0. Но миф, будучи $\neq 1$, вместе с тем, неравен и 0.

²⁰ Пятигорский А.М. Некоторые общие замечания о мифологии с точки зрения психолога // Σψιδωτικῆ. Труды по знаковым системам. II. Уч. зап. ТГУ. Вып. 181. Тарту, 1965. С. 38.

²¹ Там же. С. 39–40.

²² Там же. С. 40.

иллюзию свободы выбора. Причем под свободой выбора мы понимаем не только возможность остановиться на той или иной альтернативе, но и возможность некоего снятия альтернатив (оппозиций). Это, так сказать, поиски «третьего пути».

Здесь мы вплотную подходим к интересующему нас вопросу, а именно, к вопросу о значении мифа или, говоря точнее, к характеристике его функционального значения. Нам представляется, что вопрос может быть решен, примерно, следующим образом.

Стремление к «третьему пути», «третьему решению» всегда существовало и существует (вплоть до настоящего времени!) наряду с обычными обращениями к альтернативному решению, причем в определенных условиях оно даже выдвигается на передний план, как подготовленная всем внутренним развитием попытка снятия наиболее значимых оппозиций того или иного типа культуры. Это стремление, эти попытки могут быть констатированы и в индивидуальном плане, и более широко – в аспекте массовом и историческом.

Одним из возможных (и наиболее действенных!) способов снятия оппозиций оказывается создание (и переживание) мифа²³. Миф как вероятность всегда полагает свою, им самим конструируемую и утверждаемую картину мира.

Поэтому введение понятия «миф» позволяет, на наш взгляд, снять одну из значимых оппозиций: оппозицию «факт–вымысел» (=«истинно–ложно»). Каким же путем это происходит? Конечно, не путем отождествления факта и мифа, но в силу следующего разграничения и «описания»: факт есть факт (в смысле существования «во вселенной» независимо от «нашего воления» и «нашего опыта»), тогда как миф есть объект (т.е. нечто, не существующее без субъекта). Факт может быть фактом и объектом одновременно: миф – всегда только объект и никогда не факт²⁴. Но *eo ipso* миф, несомненно, уже есть *нечто*. А если это так, то суть дела не в противопоставлении его факту (или вымыслу), но в том, чтобы осознать его как возможность «третьего пути»²⁵. В этом, собственно говоря, и состоит «снятие оппозиции».

Все это становится еще более наглядным, когда речь идет об истории. Миф в истории прежде всего обнаруживает тенденцию к сопоставлению с историческим фактом, он всегда в истории ближе к *нечто*, чем к *ничто*! В качестве «объектов исследования» миф (как объект) и исторический факт (как факт и объект) для историка вообще равноправны. Но миф имеет еще одну особенность: даже не сближаясь с фактом, он способен приобретать определенные черты реальности. Конечно, это уже реальность конструируемого мифом мира, но в истории она нередко «срабатывает» и даже со вполне ощутимым результатом.

Но главное заключается не в этом. Миф возникает в истории всегда, когда появляется внутренняя потребность (даже – необходимость) снятия какой-либо значимой оппозиции и в том числе оппозиции «факт–вымысел» («истина–ложь»). Историки обычно идут, и не могут не идти, навстречу этой потребности²⁶.

Таково значение мифа в истории. Но и в настоящее время оно живет, актуальнее, чем это обычно полагают. Современная история не менее богата «мифопорождающими» ситуациями, чем история далекого прошлого. Кроме того, отнюдь не исключено, что в определенном аспекте (и на определенном уровне интерпретации) миф может оказаться существеннее, важнее, «реальнее» исторического факта. Это не столь парадоксально и неожиданно, как представляется на первый взгляд. В какой-то мере вся концепция «история – наставница жизни», возникшая, как известно, еще в

²³ Там же. С. 40 сл. Ср. с утверждением на с. 6: «...психологическое переживание мифа как состояния снятия наиболее значимых оппозиций данного типа культуры».

²⁴ Данное утверждение основано на элементарном, само собой разумеющемся и, вместе с тем, далеко не всегда ясно осознаваемом различии между понятиями «факт» и «объект».

²⁵ Обращаясь снова к языку двоичной системы, можно сказать, что мифотворчество открывает практически неограниченные возможности выбора величин и значений (вероятностей), лежащих между нулем и единицей.

²⁶ Вопрос о сопоставлении дихотомии «истины–лжи» в логике и в истории должен быть рассмотрен особо: в данном случае мы его не касаемся.

античности, претерпевшая с тех пор немалое число превращений и возродившаяся, наконец, в наши дни как широко используемая формула о воспитательном значении истории, зиждется, в конечном счете, на этом осознанно или неосознанно признаваемом равноправии, а иногда и превосходстве мифа над фактами.

FACT AND MYTH IN HISTORY

S.L. Utchenko

The author makes a brief review of the interpretations of the notion of «historical fact» in the works of the historians of different schools and suggests his own definition of that notion. A historical fact is always a fact interpreted. Its interpretation includes three elements: 1) creation of conditions for interpreting, first of all, the record of the fact; 2) determination of the level of interpretation, i.e. using certain criterions for the selection of the facts; 3) introduction of the fact into the context. The historical fact is understood as a genetic and structural unity, the unity of the objective reality and the organizing work of conscience. The historical fact is the very object to operate with as soon as the revealing of historical regularities is concerned. Such an interpretation of the nature of the historical fact enables a historian to introduce the notion of regularity into history.

As for the correlation of the notions of «fact» and «myth» and the role of myth in history, the author asserts that the myth (as an object) and the historical fact (as a fact and an object) are of the same importance for a historian; the former can acquire certain features of a reality and the reality of the world constructed by the myth often proves to be a significant element of the history.